

УДК 821.111(73)

СИСТЕМА ПЕРСОНАЖЕЙ В МИСТИЧЕСКИХ РАССКАЗАХ А. БИРСА

П. Р. ЛЯСОВИЧ

(Представлено: канд. филол. наук, доц. Н. В. НЕСТЕР)

Рассматривается система персонажей мистических рассказов А. Бирса (Ambrose Gwinnett Bierse, 1842–1913 (1914)). Выделяются готические персонажи в произведениях писателя. Анализируются образ готического злодея, роль женских образов и функции второстепенных персонажей в мистических рассказах А. Бирса.

«Готический роман» создал тип «героя-злодея», противопоставленного герою «чувствительному»; его движущая сила – страсть, непосредственное излияние чувства, доведенного до крайних пределов внутренней и внешней экспрессии; этому внутреннему эмоциональному содержанию соответствует и предельно драматичная внешняя ситуация. «Герой-злодей» «готического романа» неизменно выступает с отрицательным знаком; однако он не случайно является родоначальником байронического героя, т.е. героя с более сложной, двойственной эмоциональной оценкой [1, с. 294].

Готические злодеи чаще всего классифицируются по их сюжетной функции и психологическому типу, раскрывающим изменения, постепенно происходящие в них.

Б. Напцок выделяет следующие типы: амбивалентный злодей, стоящий перед выбором между добром и злом (Амбросио «Монах»); демонический злодей (халиф Ватек); психологически немотивированный, однолинейный злодей (Уолтер Ловелл «Старый английский барон»), Демон, Сатана и демонические силы (Матильда «Монах»). Готический персонаж всегда дается в развитии, несмотря на изначальную сюжетную заданность. Образы положительных героев, как и злодеев с течением времени трансформировали созданные Уолполом канонические образцы.

Общие черты характера готического героя-злодея: аморализм, жестокость, высокомерие, своеволие и гиперболизированная страстность (жажда любви и власти). В портретной характеристике подчеркиваются inferнальные и звериные черты, которые отражают внутреннюю сущность (порывистые движения, пронзительный взгляд, несоразмерность частей тела и т.д.) [2, с. 132].

В отличие от готических романов, где злодеи даны в развитии, в рассказах Бирса они статичны. Герои-злодеи принадлежат к миру иррационального, и являются неантропоморфными существами (проклятая тварь в одноименном рассказе, робот в «Хозяине Моксона», призрак собаки в «Галлюцинации Стэнли Флемминга»).

Е.В. Тарасова отмечает, что причинами страха у Бирса «являются обитатели леса, природные силы, суть которых не может постичь человеческий разум» [1, с. 128]. Зловещий оттенок в рассказах Бирса приобретает неизвестность, обступившая людей со всех сторон. Чувство бессилия человека перед нависшей над ним опасностью и тайной – ведущие мотивы, которые лежат в основе произведений писателя.

В ранних готических романах женские персонажи часто оказывались второстепенными. Английская сентиментальная готика сделала ангельски добродетельную юную леди своей центральной героиней. В XIX веке, когда готический роман передает пальму первенства новелле, готический канон существенно трансформируется. Готические герои и героини также меняются, поскольку теперь ими становятся современники читателя, его соотечественники.

В традиционной готике мужчины убивают женщин. Мотив смерти героинь находит отражение и в творчестве Э. По, который утверждает, что «смерть прекрасной женщины есть самый поэтический сюжет в целом свете».

В мистических рассказах Бирса женский персонаж чаще всего обречен на гибель. Смерть персонажа здесь представлена не как поэтическое и романтическое явление, а как бытовая трагедия. Образ женщины в рассказах Бирса – это образ жертвы. В рассказах «Лоза у дома», «Смерть Хэлпина Фрейзера», «Тайна ущелья Макаргера», «Дорога в лунном свете» женщины погибают от рук своих мужей. Бирс описывает жестокие убийства: «... череп был проломлен в нескольких местах, будто от ударов тупым предметом. Орудие – рукоять кирки, все еще покрытая засохшей кровью – обнаружилось рядом под досками»¹¹¹. В рассказе «Дорога в лунном свете» причиной ужасного убийства является ревность мужа: «Я наткнулся на жену, скрючившуюся в углу комнаты. Мои руки рванулись к её горлу, задавив крик. Коленями я охватил её сопротивляющееся тело и так, в темноте, не произнеся ни слова обвинения или упрека,

¹¹¹ 'the skull was fractured in several places, as by blows of some blunt instrument; and that instrument itself – a pick-handle, still stained with blood – lay under the boards near by' [3, p. 23].

задушил её!»¹¹². Смерть женщины может наступить вследствие таинственной болезни («За стеной», «Малыш-бродяга») или несчастного случая («Психический сдвиг»).

Умершие героини переходят в мир иррационального, и появляются в сюжете в образах призраков: «А на то, что это был призрак, указывали обычные приметы: саван, длинные распущенные волосы, отрешенный взгляд»¹¹³. В портретах женских персонажей рассказов Бирса «Беспроволочная связь» и «Смерть Хэлпина Фрейзера» внимание читателя также сфокусировано на бледности героинь, пробуждающих чувство страха в героях. Герой рассказа «Смерть Хэлпина Фрейзера» видит перед собой белое лицо матери и её безжизненные глаза, что ещё больше усиливает его ужас перед явившимся ему призраком. Бледность и белый цвет в портретах женских персонажей становятся символом их принадлежности к миру сверхъестественного. Так в рассказе «За стеной» героиня впервые появляется в белом платье, ее красота, как и красота героинь сентиментальной готик, свидетельствует также об их моральной чистоте, безупречности. Она – «несравненная живая картина, написанная Божественным Художником»¹¹⁴. Образ героини сопоставляется с образом Девы Марии, что с одной стороны, символизирует её непорочность, а с другой стороны предвосхищает её скорую смерть и переход в мир духов.

Портрет героини намекает на ее истинную суть принадлежность к миру иррационального в рассказе «Глаза пантеры». Женщина оказывается оборотнем-пантерой. Бирс предвосхищает неожиданную концовку, подчеркивая "кошачью красоту" Ирен, которая сделала ее столь желанной для адвоката¹¹⁵: «В фигуре и движениях женщины, молодой, светловолосой, изящной, что-то вызывало в памяти слово "трация"¹¹⁶, ее глаза «серо-зеленые, длинные и узкие»¹¹⁷. Она носит «серое платье со странными коричневыми отметинами»¹¹⁸, напоминающее шкуру пантеры.

Хотя женские персонажи в рассказах Бирса и олицетворяют собой потусторонние силы, они не враждебны герою. Призраком героини рассказа «Дорога в лунном свете» движет любовь, даже после смерти она рада увидеть своего мужа, от рук которого погибла. Она хочет «обнять, успокоить и областить» его¹¹⁹. Героине свойственна наивность, она не подозревает, что ее муж и есть убийца.

В рассказе «Пастух Гаита» дух прекрасной девушки олицетворяет прекрасное и неуловимое Счастье. Бирс создает образ девушки в сияющих одеждах, и «так совершенна была её красота, что цветы у ее ног закрывались и склоняли головки, признавая её превосходство»¹²⁰.

Наивность и непорочность героинь мистических рассказов Бирса, сопоставление их красоты с красотой цветов и их близость к божественному отсылает нас к центральному женскому персонажу повести Бирса «Монах и дочь палача» (*The Monk and the Hangman's Daughter*, 1892), где черты отдельных женских персонажей мистических рассказов собраны в единый готический образ.

В ряду нейтральных или положительных по отношению к главному герою женских персонажей примечателен образ матери в рассказе «Смерть Хэлпина Фрейзера». Кэтрин Фрейзер при жизни является нежной и романтической натурой. Однако после смерти она возвращается в мир живых как внушающая ужас «сверхъестественная злая сила»¹²¹, которая убивает собственного сына. Ключом к пониманию специфики этого образа становится эпитафия под авторством Гали, где сообщается о том, что тело умершего, «...оставленное душой, ходило среди людей. и те, кто повстречался с ним и остался жив, утверждали, что подобный ходячий труп лишен всех естественных привязанностей и даже воспоминаний о них – у него остается одна лишь ненависть»¹²². В то время как призраки большинства женских персонажей представляют собой душу без тела, призрак Кэтрин Фрейзер – пустая оболочка, воплощение Зла и причина парализующего ужаса главного героя.

Женщины в художественном мире А. Бирса персонажируют иррациональное начало, не позволяющее им обрести свое место в материальном рационалистическом социуме. Столкновение героя со сверхъестественным часто выражается именно через женские образы. Трагическая смерть героини представляется страшной тайной, характерной для хронотопа старого дома в мистических рассказах Бирса.

¹¹² 'My foot struck her, cowering in a corner of the room. Instantly my hands were at her throat, stifling a shriek, my knees were upon her struggling body; and there in the darkness, without a word of accusation or reproach, I strangled her till she died!' [3, p. 31].

¹¹³ 'its character as ghost was signified by all the customary signs – the shroud, the long, undone hair, the 'far-away look' – everything' [3, p. 93].

¹¹⁴ 'living picture by the hand of the Divine Artist' [4].

¹¹⁵ 'Bierce anticipates the surprise ending by highlighting Irene's "feline beauty" which made her so desirable to the attorney' [3, p. 168].

¹¹⁶ 'The woman was young, blonde, graceful, with something in her figure and movements suggesting the word "lithe"' [4].

¹¹⁷ 'gray-green, long and narrow' [4].

¹¹⁸ 'gray gown with odd brown markings in the texture' [4].

¹¹⁹ 'offer myself to his arms, to comfort him with endearments' [3, p. 35].

¹²⁰ 'So beautiful she was that the flowers about her feet folded their petals in despair and bent their heads in token of submission' [4].

¹²¹ 'some supernatural malevolence' [3, p. 4].

¹²² '...veritable body without the spirit hath walked. And it is attested of those encountering who have lived to speak thereon that a lich so raised up hath no natural affection, nor remembrance thereof, but only hate' [3, p. 1].

Трагизм в том, что персонажи военных рассказов Бирса часто погибают не от каких-то внешних причин, а от страха как такового.

В готических произведениях второстепенные лица также создают готическое настроение. Это выражается в их взаимодействии со «злодеем», в их поведении, роли, даже в их облике [5, с. 124].

В мистических рассказах Бирса круг персонажей ограничен, что обусловлено спецификой жанра короткого рассказа. Второстепенные герои обрисованы не столь объёмно и часто даже не имеют имен. Персонажи показаны не в развитии, образы статичны и служат конкретным целям.

Персонажи Бирса – его современники и соотечественники, типичные представители своей эпохи. Они дополняют картину американской реальности. Например, семьи, приехавшие на линию фронта из Старого Света («Тайна ущелья Макаргера»), первопроходцы («Глаза пантеры», «Неизвестный»), золотоискатели («Ночные события в ущелье мертвеца»), странствующие торговцы («Свидетель повешенья»). Через второстепенных персонажей в рассказах Бирса отражается тема расовых конфликтов. Герой рассказа «Ночные события в ущелье мертвеца» открыто выражает свое пренебрежение к китайцам и индейцам не только надругавшись над мертвым слугой-китайцем, не позволяя его душе упокоиться, но и словесно: «– Вы что, за индейца меня держите? Вы что, за индейца меня держите? <...>. Держать кого-то за индейца и держать за труса – фактически одно и то же. Иногда индейца в этой идиоме заменяют на китайца. «Думал, я тебе китаец?» – говорят порой над телом того, кто напросился на пулю»¹²³. Бирс включает в рассказ элементы китайского фольклора: «Согласно китайской вере человек – как воздушный змей, он не может подняться в небо без хвоста, то бишь косички»¹²⁴. Главный герой «Ночных событий в ущелье мертвеца» отрезает у мертвого мужчины косу, и не отдает, даже когда призрак слуги возвращается за ней.

Второстепенные персонажи в рассказах Бирса также выполняют функцию проводников в иррациональный мир. Таким персонажем является профессор Дорримор, гипнотизер, в рассказе «Царство иллюзий». Скептически настроенный герой называет Дорримора шарлатаном, однако попадает во власть иллюзиониста, и находится под воздействием внушаемых видений несколько недель. Через медиума Бейрлса передают истории своей жизни мертвые герои рассказов «Дорога в лунном свете» и «Житель Каркосы». Еще чаще второстепенные персонажи сами являются представителями мира сверхъестественного. Это и ужасающие образы призраков в рассказах «Беспроволочная связь», «Арест», «Свидетель повешенья», и сама Смерть в образе немого старика в рассказе «Ночные события в ущелье мертвеца».

В рассказах «Психический сдвиг», «Проклятая тварь» компаньоны главных героев наоборот являются представителями реального мира, который контрастирует с субъективным восприятием героя. Они обладают ясным умом, и даже при столкновении с иррациональным, не теряют самообладание и не поддаются страху. Так, например, Ульям Харкер даже под угрозой ужасной смерти от сверхъестественного зла бросает ружье и бежит на выручку к другу в рассказе «Проклятая тварь». Такие герои лишь наблюдают мистическое, но не взаимодействуют с ним. Они не пытаются найти рациональное объяснение происходящему, а лишь излагают факты, свидетелями которых являются.

Небольшое число персонажей в рассказах Бирса оправдано, это способствует концентрации сюжета и заострению интриги.

ЛИТЕРАТУРА

1. История всемирной литературы: в 9 т. / редкол.: И.А. Тертерян (глав. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1989. – Т. 6 / И.А. Тертерян [и др.]. – 1989. – 880 с.
2. Жиркова, М.А. Традиции готического романа в детективе М.Р. Райнхарт «Винтовая лестница» / М.А. Жиркова // ART LOGOS. – 2019. – № 9. – С. 130–141.
3. Bierce, A. Can Such Things Be? / A. Bierce. – London: Global Grey, 2018. – 167 p.
4. The Collected Works of Ambrose Bierce, Vol. II [Electronic resource]. – Mode of access: <https://clck.ru/h2wba>. – Date of access: 16.04.2022.
5. Вацуро, В.Э. Готический роман в России / В.Э. Вацуро. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 544 с.

¹²³ “Do you play me for a Modoc? <...>To be mistaken for a coward – to be played for a Modoc: these two expressions are one. Sometimes it is a Chinaman. Do you play me for a Chinaman? is a question frequently addressed to the ear of the suddenly dead” [4].

¹²⁴ ‘According to the Chinese faith, a man is like a kite: he cannot go to heaven without a tail’ [4].